Книгоиздательство „Библіотечное Дѣло“

С. П. ШВЕЦОВЪ.

Крестьянская Община.

Схема ея возникновенія и развитія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Д. А. Алексѣева, Вознесенскій пр. № 9.
1906.

С. П. ШВЕЦОВЪ.

Крестьянская Община.

Схема ея возникновенія и развитія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Д. А. Алексѣева, Вознесенскій пр. № 9.
1906.

Съ пятидесятыхъ годовъ, т. е. уже болѣе полувѣка, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи не сходитъ со страницъ русской литературы. Болѣе полустолѣтія не умолкаютъ споры о значеніи и судьбахъ русской земельной общины, лишь по временамъ нѣсколько затихая, чтобы затѣмъ вспыхнуть съ новой силой и вестись съ новымъ одушевленіемъ, а иногда и ожесточеніемъ.

И это понятно, если принять во вниманіе, что съ общиной связаны кровные интересы многомилліонной массы крестьянства, во 1-хъ, а, во 2-хъ, что систематическое изученіе общины на мѣстѣ началось лишь въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда это дѣло взяло въ свои руки земство, и продолжается до нашихъ дней, будучи далеко еще не закончено. Другими словами, при всемъ огромномъ значеніи вопроса, для его рѣшенія не хватало достаточнаго количества несомнѣннаго фактическаго матеріала, который сталъ накопляться лишь въ два послѣднія десятилѣтія.

До какой степени былъ ощутителенъ этотъ недостатокъ, это можно судить потому, что еще и теперь далеко не всѣ согласны даже въ томъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ общины, и теперь еще можно услыхать мнѣніе, что общинѣ предшествовало напр., индивидуальное владѣнія зем-

лей. Я имѣю въ виду серьезную научную литературу и оставляю въ сторонѣ такъ сказать обывательскую точку зрѣнія на предметъ, позволяющую ея обладателямъ смѣшивать общину съ чѣмъ угодно, начиная съ круговой поруки и кончая «правомъ» самосѣченія крестьянъ.

Необходимо, поэтому, прежде всего условиться, что именно понимается въ дальнѣйшемъ изложеніи подъ общиной, такъ какъ это гарантируетъ отъ возможныхъ недоразумѣній.

«Общинная форма землевладѣнія характеризуется существованіемъ передѣловъ и переверстокъ»,—вотъ фраза, которая варьируется и повторяется и въ земскихъ сборникахъ матеріаловъ объ общинѣ, и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ изученію формъ народнаго землевладѣнія. Въ томъ же родѣ опредѣленіе вошло и въ наше законодательство: въ примѣчаніи къ ст. 113 «Мѣстнаго положенія о крестьянахъ» говорится, что «общиннымъ называется то обычное пользованье, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распредѣляются между крестьянами: по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности положенныя за землю, отбываются за круговою порукою».

Здѣсь община не только характеризуется передѣлами, но и связывается въ неразрывный узелъ съ круговою порукой, что одинаково неправильно, какъ неправильно всякое обобщеніе отдѣльнаго факта, хотя бы и часто повторяющагося, на всевозможные факты изъ той же области. Жизнь общества, хотя бы это было одно только крестьянство нашей деревни, слишкомъ сложна и многообразна, почему всѣ подобныя обобщенья страдаютъ узостью и односторонностью.

Пріурочивать общину къ періодическимъ передѣламъ—

значитъ суживать самое понятіе общины, вгонять ее въ несвойственныя ей рамки. Пріурочивать общину къ передѣламъ — значитъ игнорировать цѣлую область многообразныхъ отношеній къ землѣ, которыя не могутъ быть характеризованы иначе, какъ именно общинными. Выключая изъ ряда формъ общины такія, которыя не знаютъ передѣловъ,— всѣ виды «вольнаго пользованія», такъ называемое «четвертное землевладѣніе» и др.,--мы тѣмъ самымъ сдѣлали бы мало понятнымъ и процессъ возникновенія душевой организаціи общины, практикующей періодическіе передѣлы земли. Въ подтвержденіе этой послѣдней мысли и для ея иллюстраціи я приведу два примѣра, хотя это и отвлечетъ насъ нѣсколько отъ предмета непосредственнаго изложенія.

Г. В. В., такъ много сдѣлавшій для уразумѣнія великороссійской общины и принадлежащій къ ея лучшимъ знатокамъ, въ одной изъ своихъ статей говоритъ: «читатель можетъ быть удивится, если мы скажемъ, что большая часть владѣній государственныхъ крестьянъ центральной черноземной полосы—происхожденья сравнительно новаго, и что ему предшествовало частное владѣніе». Переходъ къ общинѣ совершился въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія подъ вліяніемъ того, что «земля очень дробилась съ одной стороны, сосредоточивалась съ другой; рядомъ съ богатыми появились безземельные; возникла масса ссоръ и тяжбъ за землю, и всѣ эти явленія съ теченіемъ времени усиливались».

Я долженъ признать что «читатель», дѣйствительно, остается въ полномъ недоумѣніи передъ фактомъ массоваго перехода отъ *частнаго* владѣнія къ *общинному*. Фактическое положеніе землевладѣнья, предшествовавшее переходу къ общинѣ, мало выясняетъ дѣло: неравенство земель-

ныхъ участковъ, чрезвычайная ихъ дробность, черезполосность, тяжбы и ссоры, наконецъ, неравенство экономическаго благосостоянія, — все это явленія, знакомыя не одному нашему крестьянину конца XVIII и первой половины XIX столѣтій,—ихъ знаютъ и другія страны; сошлюсь хотя бы на факты, собранные г. Посниковымъ въ его извѣстной книгѣ объ общинномъ землевладѣніи. Почему же тамъ частная собственность не превратилась въ общинную, какъ у насъ, и дѣло ограничивалось лишь размежеваньемъ да обмѣномъ участковъ, да и этотъ результатъ достигался съ большимъ трудомъ и при участіи правительства.

Правда, г. В. В. указываетъ также на воздѣйствіе правительства и у насъ, но это указаніе мало выясняетъ вопросъ, такъ какъ никто лучше самого г. В. В. не опредѣляетъ размѣровъ и значенія этого воздѣйствія: «успѣхъ правительственной агитаціи, говоритъ онъ, приведшей къ превращенію въ теченіе одного года сотенъ тысячъ десятинъ земли изъ частнаго владѣнія въ общинное, безъ сомнѣнія, объясняется подготовленностью населенія къ этому акту. Дѣлая свои предложенія, правительство *не вносило въ сознаніе крестьянъ новой идеи*, а такъ сказать заявляло сторонникамъ передѣла, что въ ихъ борьбѣ съ его противниками оно будетъ на ихъ сторонѣ, и этимъ заявленіемъ *ускорило процессъ, который совершился бы и безъ его вмѣшательства*». Такимъ образомъ, роль правительства въ дѣлѣ перехода «частнаго владѣнья въ общинное» болѣе чѣмъ скромная, и вопросъ по прежнему остается открытымъ.

Обратимся къ другому автору.

Г. К. П., земскій статистикъ, разсматривая условія

образованія общины у четвертныхъ владѣльцевъ Рязанской губерніи, говоритъ въ своей работѣ: «когда неравномѣрность владѣнія у различныхъ лицъ становилась рѣзко замѣтной, когда значительной части домохозяевъ становилось тѣсно, малоземельные начинали агитацію о передѣлѣ земли по душамъ». Но и здѣсь мы видимъ только констатированіе факта, а не его объясненіе.

Я не буду останавливаться на другихъ фактахъ изъ той массы ихъ, что находятся въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ общины, и нѣсколько остановлюсь лишь на приведенныхъ.

Мнѣ представляется вполнѣ понятнымъ и простымъ возникновеніе указанной агитаціи и ея результатъ, если я отрѣшусь отъ представленія объ общинѣ, какъ формѣ, характеризуемой наличностью передѣловъ, и взгляну на четвертное землевладѣніе, какъ на одну изъ формъ общины: земля, по воззрѣніямъ населенія, общинная, мірская, но по частямъ находящаяся въ пользованіи отдѣльныхъ хозяйствъ. При такихъ условіяхъ, естественно, если разъ обозначаются болѣе или менѣе чувствительно неудобства данной формы *пользованія*, — община, «міръ», стремится найти другую, болѣе отвѣчающую измѣнившимся условіямъ; *одной* изъ такихъ формъ является передѣлъ,—и въ пользу его начинается агитація, приводящая въ концѣ концовъ общину къ новой формѣ той именно, которая «характеризуется передѣлами и переверсками». Вопросъ разрѣшается общиной въ положительномъ смыслѣ потому, что передѣлу подчиняются всѣ ея члены, даже и тѣ, кому онъ лично не выгоденъ, подчиняются, разумѣется, не безъ борьбы, не рѣдко весьма продолжительной и очень тяжелой. Но это уже свойство смѣны всѣхъ устарѣвшихъ формъ общества новыми. Здѣсь все просто и ясно, не заключаетъ въ себѣ ни-

какихъ загадокъ, — не нужно только смѣшивать внѣшне-оффиціальную сторону дѣла съ положеніемъ его по воззрѣніямъ самаго населенія,—и мы должны видѣть въ такомъ переходѣ отъ одной формы къ другой лишь эволюцію общины, вызванную наличностью такихъ-то и такихъ-то условій.

Я прошу теперь представить себѣ дѣло иначе: отдѣльные участки земли даннаго селенія находятся не въ пользованіи только, а въ подворномъ владѣніи, юридически закрѣпленномъ за отдѣльными семьями, и что таково положеніе вещей не только съ точки зрѣнія писаннаго закона, какъ это имѣло мѣсто по отношенію четвертныхъ владѣльцевъ, но и съ точки зрѣнія самихъ крестьянъ, что собственно и является опредѣляющимъ факторомъ. Спрашиваю: возможно ли при такихъ условіяхъ возникновеніе и осуществленіе мысли о производствѣ уравнительнаго между всѣми землевладѣльцами-крестьянами даннаго селенія передѣла земельныхъ угодій, хотя бы неравномѣрность владѣнія землею была вдвое болѣе той, которая привела къ передѣлу рязанскихъ, курскихъ и др. четвертныхъ землевладѣльцевъ? Признавая за народомъ великую творческую силу, я тѣмъ не менѣе думаю, что такой исходъ неравенства владѣнія и экономическаго благосостоянія, да еще въ XVIII вѣкѣ, у насъ не могъ совершиться. Для нашего крестьянина, мысль котораго вращается главнымъ образомъ около конкретныхъ фактовъ и поэтому не привыкла къ отвлеченіямъ и широкимъ обобщеніямъ,—а обществу *частныхъ* землевладѣльцевъ прійти къ убѣжденію о необходимости и практической возможности передѣла мыслимо только путемъ широкихъ обобщеній и отвлеченій,—подобная идея была бы дика и чужда въ такой же примѣрно степени,

какъ если бы предложить даже современной заурядной общинѣ, произвести уравнительный между всѣми домохозяевами передѣлъ наличнаго въ селеніи скота на томъ лишь основаніи, что въ этой деревнѣ есть хозяйства многолошадныя и рядомъ съ ними совсѣмъ безлошадныя и даже безскотныя.

Исторія знаетъ, конечно, примѣры возникновенія новыхъ идей и распространенія ихъ въ народныхъ массахъ, приводившаго къ выработкѣ новыхъ формъ жизни. Но исторія же указываетъ намъ и тѣ пути, которыми распространяются идеи въ массахъ, и тѣ средства, при помощи которыхъ онѣ получаютъ практическое осуществленіе. Ничего подобнаго въ Россіи, насколько это касается народнаго землевладѣнія, не было ни въ XVIII вѣкѣ, ни въ болѣе раннее время. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, осуществленіе на практикѣ принципа «поравненія» земельной собственности среди частныхъ землевладѣльцевъ должно было бы сопровождаться такимъ потрясеніемъ всего склада народной жизни, примѣра которому мы не находимъ ни въ одномъ селеніи изъ перешедшихъ отъ пользованія землею «по четвертямъ» къ пользованію «по душамъ». Если бы что либо подобное было, то мы наблюдали бы уже не эволюцію общины, какъ въ данномъ случаѣ, а эволюцію земельной собственности, а это двѣ вещи очень и очень различныя.

Другимъ примѣромъ неправильности пріурочиванія общины къ передѣламъ могутъ служить такъ называемыя составныя или сложныя общины, т. е. такія, которыя обнимаютъ собою болѣе одного селенья, иногда цѣлую волость. Придавая общинѣ условное значеніе формы землевладѣнія, характеризуемой періодическими передѣлами и переверстками, весьма

трудно понять образованіе общинъ сложныхъ, происхожденіе которыхъ объясняется существованіемъ въ данномъ мѣстѣ нѣкогда права заимки, характеризующимъ такъ называемый «захватъ». Относя послѣдній къ необщиннымъ формамъ землевладѣнія, мы встрѣчаемся съ такимъ противорѣчіемъ: сложная община является какъ бы обломкомъ болѣе древней, но не общинной формы землевладѣнія. Не странно ли это? Какимъ образомъ необщинный пережитокъ самъ является общиной, да еще весьма сложной по своей внутренней организаціи? Вѣдь это тоже, какъ если бы я сказалъ, что отъ «первобытнаго коллективнаго способа пользованія землею и доселѣ остались еще слѣды, выражающіеся въ существованіи частной земельной собственности». А между тѣмъ по поводу сложныхъ общинъ говорится этими самыми словами, говорится, какъ о чемъ то такомъ что по меньшей мѣрѣ не подлежитъ доказательству. Одно изъ двухъ: или «захватъ» общинная форма, и тогда понятно, что и остатокъ ея сохраняетъ ту же форму, или же онъ форма не общинная, и тогда нужно подыскать другое объясненіе образованія сложныхъ общинъ, что сдѣлать болѣе чѣмъ затруднительно такъ какъ происхожденіе ихъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній.

И мы напрасно стали бы искать отвѣта на всѣ подобные вопросы до тѣхъ поръ, пока будемъ видѣть въ общинѣ лишь ту форму, которая знаетъ періодическіе передѣлы: только включая въ понятіе общины и тѣ виды народнаго землевладѣнія, которые предшествовали передѣламъ—захватъ, вольное пользованіе, четвертное землевладѣніе, долевое землевладѣніе г-жи Ефименко и проч.,—только въ такомъ случаѣ возможно въ цѣломъ представить себѣ вѣковой процессъ развитія общины, а также уразумѣть и

тѣ видоизмѣненія, которыя наблюдаются въ ея формахъ въ настоящее время.

Земско статистическими изслѣдованіями установлено между прочимъ, что во многихъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи нѣкогда существовала захватная форма пользованія землею, на развалинахъ которой сложилась и современная великорусская община съ ея коренными и частными предѣлами. Тотъ же захватъ, какъ извѣстно, нѣкогда имѣлъ широкое распространеніе и на сѣверѣ Россіи, а во многихъ мѣстностяхъ сохранился еще и теперь—въ Вологодской, Олонецкой губерніяхъ. Еще большее можетъ быть распространеніе онъ имѣетъ въ восточныхъ и особенно въ юго-восточныхъ уѣздахъ Европейской Россіи среди казачьяго населенія. Помимо земскихъ работъ, особенно серьезное значеніе въ смыслѣ уясненія болѣе раннихъ формъ общины, имѣетъ трудъ Ф. А. Щербина: «Земельная община кубанскихъ казаковъ». Но наиболѣе полную и всестороннюю картину первоначальныхъ, начиная съ самыхъ раннихъ, формъ общины раскрываютъ изслѣдованія народнаго землевладѣнія и землепользованія въ Сибири. То, что въ другихъ мѣстностяхъ можно было наблюдать лишь въ видѣ отдѣльныхъ фрагментовъ, свидѣтельствующихъ о былыхъ порядкахъ, или возстановлять по отрывочнымъ архивнымъ документамъ и сохранившимся устнымъ преданіямъ стариковъ,—то здѣсь, въ Сибири, можно было наблюдать во всей цѣлости и неприкосновенности, какъ явленіе сегодняшняго дня, притомъ въ удивительно характерныхъ сочетаніяхъ.

За послѣдніе лѣтъ пятнадцать въ Сибири непрерывно производились работы по изученію формъ крестьянскаго землевладѣнія, былъ собранъ огромный фактическій мате-

ріалъ, подвергнутый предварительной разработкѣ такими лицами, какъ гг. Чудновскій, Кауфманъ, Личковъ, Дубенскій, Осиповъ, Филимоновъ, а въ болѣе позднее время г. Кроль. Матеріалъ этотъ не только во всѣхъ деталяхъ и, такъ сказать, во весь ростъ рисуетъ общинную жизнь Сибири, но сопоставленный съ нѣкоторыми матеріалами, относящимися къ Евр. Россіи, освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ прошлое и великорусской общины, позволяетъ возстановить весь ходъ развитія русской земельной общины въ ея главнѣйшихъ моментахъ.

Послѣ всего сказаннаго является понятнымъ, почему приведенное выше опредѣленіе общины не отвѣчаетъ дѣйствительности, какъ не обнимающее всѣхъ ея формъ. Возвращаясь къ тому же вопросу, что такое община, я отвѣчаю: подъ *общиной слѣдуетъ понимать всѣ формы регулируемаго обычнымъ правомъ совмѣстнаго землевладѣнія и землепользованія группы хозяйствъ, объединенныхъ родствомъ или сосѣдствомъ.* Ни передѣлы и переверстки, ни круговая порука и отбываніе натуральныхъ повинностей, не являются характерными признаками общины, какъ не будетъ для нея характернымъ и всякій другой признакъ, свойственный какой нибудь частной ея формѣ, какъ захватъ и проч. Такое опредѣленіе общины, по моему мнѣнію, обнимаетъ всѣ ея формы, отъ самыхъ раннихъ до наиболѣе сложныхъ.

Имѣющійся въ настоящее время обширный и разносторонній матеріалъ о сибирской общинѣ позволяетъ отчетливо различать, во 1-хъ, совокупность отношеній общины въ цѣломъ къ землѣ, которая находится въ ея распоряженіи, — вопросы общиннаго землевладѣнія; во 2-хъ, совокупность отношеній къ той же землѣ составляющихъ общину единицъ,—селеній въ одномъ случаѣ, если община

сложная, и хозяйствъ — въ другомъ, если община однодеревенская, — вопросы общиннаго землепользованія; въ 3-хъ, наконецъ, совокупность всѣхъ тѣхъ обязанностей передъ государствомъ, которыя вытекаютъ изъ факта владѣнія и пользованія общинной землей, — вопросы податной общины и общины, такъ сказать, административной, сливающейся съ сельскимъ обществомъ.

Въ типичной великорусской общинѣ съ передѣлами границы землевладѣнія и землепользованія, а также и границы распространенія податныхъ тяготъ чаще всего сливаются между собою, почему одна и та же община, въ одномъ и томъ же личномъ ея составѣ, является то общиной земельной, то податной или административной, смотря по тому, на какія ея функціи обращено въ данный моментъ наше вниманіе. Этимъ именно и объясняется, почему для многихъ община олицетворяется круговой порукой, являющейся въ дѣйствительности одной изъ особенностей податной общины, а для другихъ правомъ общины выселять своихъ членовъ въ Сибирь за «порочное поведеніе», подвергая своихъ сочленовъ наказаніямъ и т. п., что вытекаетъ изъ административныхъ функцій сельскаго общества, этой основной административной единицы нашего государственнаго строя.

Въ Сибири такое сліяніе далеко не всегда наблюдается: если бы произвести подсчетъ, то весьма вѣроятно оказалось бы, что даже и теперь границы земельной общины въ большинствѣ случаевъ не совпадаютъ съ границами общины податной, то далеко выходя за ея предѣлы, то захватывая только часть податной общины. Я не стану приводить здѣсь отдѣльныхъ фактовъ и только сошлюсь на статистическую литературу, гдѣ собрано достаточное количество этого рода

данныхъ. Для меня въ настоящемъ случаѣ важно отмѣтить одно обстоятельство, вытекающее изъ такого несовпаденія границъ общины земельной и податной, а именно, что община земельная и податная не суть неразрывныя части одного цѣлаго. Напротивъ, функціи земельной и податной общины часто до такой степени рѣзко обособлены, что правильнѣе смотрѣть на нихъ не какъ на разныя стороны дѣятельности одного и того же цѣлаго — общины, а какъ на явленія, не связанныя между собою, совершенно обособленныя и законченныя. Съ еще большимъ основаніемъ это нужно сказать по отношенію общины административной. Вотъ почему, говоря о земельной общинѣ, я выдѣляю изъ дальнѣйшаго изложенія, насколько это представится возможнымъ, все, что касается общины податной, а тѣмъ болѣе административной, и буду имѣть въ виду лишь вопросы землевладѣнія и землепользованія общины.

Общинному землевладѣнію въ опредѣленномъ выше смыслѣ, т. е. въ смыслѣ совокупности отношеній общины въ ея цѣломъ къ землѣ, должно было предшествовать общинное землепользованіе, т. е. установленіе опредѣленныхъ отношеній къ землѣ ея составныхъ единицъ — хозяйствъ; другими словами, общинное землевладѣніе должно опираться на общинное землепользованіе.

Общинному землепользованію, т. е. совмѣстному пользованію землей группы хозяйствъ, уже объединенныхъ между собою узами родства или интересами сосѣдства и уже выработавшихъ по отношенію земли извѣстные обычаи, — предшествовала такъ называемая «вольница», подъ каковымъ терминомъ нужно понимать то положеніе, при которомъ каждый можетъ занять любое пространство никѣмъ ранѣе не захваченной земли и пользоваться ею въ теченіе того

времени, какое ему будетъ нужно, можетъ остаться на занятомъ имъ пространствѣ или бросить его и занять другое, или же совсѣмъ покинуть данную мѣстность и перенести свою хозяйственную дѣятельность куда нибудь въ другой пунктъ. По свидѣтельству Е. С. Филимонова, изучавшаго сибирскую общину на Барабинской степи, барабинцы такъ характеризуютъ положеніе, создаваемое «вольницей», «селись, гдѣ хочешь, живи—гдѣ знаешь, паши — гдѣ лучше, паси—гдѣ любче, коси—гдѣ густо, лѣсуй *)—гдѣ пушно **)! Такая характеристика отличается поразительной точностью и образностью: здѣсь не только цѣльная программа отношенія къ землѣ, но и мастерская обрисовка условій, въ какія былъ поставленъ сибирскій крестьянинъ того времени, обрисовка, отъ каждаго штриха которой вѣетъ своеобразной поэзіей необозримой, дикой степи и лѣса, окружающихъ человѣка въ рѣдко населенной и мало культурной странѣ.

«Вольница» возможна только тамъ, гдѣ относительно рѣдко населеніе, гдѣ много свободныхъ, никѣмъ незанятыхъ земель, которыми можетъ пользоваться безпрепятственно всякій желающій. Для нея требуется, слѣдовательно, не только рѣдкое населеніе и масса свободныхъ земель, но еще и такихъ, которыя не имѣли бы никакой или же самую ничтожную рыночную цѣнность, Сибирь XVII, XVIII, а отчасти и XIX столѣтія такими имечно условіями и обладала, и они то повсемѣстно въ ней и создали «вольницу».

«Вольница» не есть еще, однако, община въ опредѣленномъ выше смыслѣ, такъ какъ для осуществленія ея на практикѣ не требовалось прежде всего основнааго условія

*) „Лѣсовать"—заниматься звѣроловствомъ.
**) „Гдѣ пушно"—гдѣ много звѣря, пушнины—мѣха.

общины—группы хозяйствъ, объединенныхъ между собою въ томъ или другомъ отношеніи и пользующихся землей совмѣстно. Но она содержитъ въ себѣ многіе элементы, изъ которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, развивается община, какъ при другихъ условіяхъ можетъ развиться и частная собственность. Это, если можно такъ выразиться, материнская форма народнаго землевладѣнія, характеризующаяся тѣмъ, что субъектомъ пользованія является хозяйство, семья эти основныя ячейки общины, а не группа; отъ общаго строя и характера хозяйства, семьи будетъ зависѣть форма владѣнія, т. е. станетъ ли она коллективой, а слѣдовательно въ дальнѣйшемъ и общинной, или индивидуальной, которая въ дальнѣйшемъ процессѣ обособленія ея элементовъ дастъ владѣніе частное. Какъ извѣстно, общій складъ русской крестьянской семьи содержитъ много элементовъ хозяйственнаго коллективизма, почему первоначальныя формы ея земельныхъ отношеній и привели къ общинному не только землепользованію, но и владѣнію, а не къ частной земельной собственности.

Тѣмъ основнымъ элементомъ, который въ дальнѣйшемъ процессѣ развитія можетъ вызвать общину, является хозяйство, понимаемое въ мыслѣ экономическаго союза лицъ, связанныхъ родствомъ, иногда дальнимъ и даже условнымъ (пріемныя дѣти, зятья и проч.). Земли, которыми пользуется «хозяйство», «дворъ», инвентарь, какимъ онѣ обрабатываютъ продукты, получаемые путемъ дѣятельности двора, какъ и другое его имущество, движимое и недвижимое, —все это не есть собственность того или другого члена хозяйства, а общая собственность ихъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ. Лишь при распаденіи хозяйства, двора при такъ называемомъ семейномъ раздѣлѣ распредѣляется и все его имущество, но и въ этомъ случаѣ не между отдѣльными

лицами, а между тѣми болѣе мелкими семейно-хозяйственными единицами, на которыя распадается и самъ «дворъ». И это понятно: «хозяйство» собирается не единоличными усиліями того или тѣхъ, кто считается его представителями, совокупными усиліями всѣхъ членовъ хозяйства, всего союза.

Чтобы такое хозяйство превратилось въ общину, необходимо, во-первыхъ, что бы оно разрослось до выдѣленія изъ себя ряда другихъ хозяйствъ или же объединилось съ уже существующими другими хозяйствами на почвѣ сосѣдскихъ отношеній; во-вторыхъ, чтобы эти новыя хозяйственныя единицы осѣли на землю тутъ-же, сохраняли родственныя и сосѣдскія связи, а это возможно, кромѣ внѣшнихъ условій свободы въ распоряженіи землей и удобствъ самой мѣстности, еще и при значительной продолжительности землепользованія въ данномъ пунктѣ. Другими словами, для образованія изъ хозяйства общины требуется развитіе хозяйства до группы, путемъ дробленія его или соглашенія съ другими, и продолжительность совмѣстнаго землепользованія, достаточная для выработки опредѣленныхъ отношеній къ землѣ, какъ всей группы, такъ и ея составныхъ частей—отдѣльныхъ хозяйствъ.

Разъ такія условія и ихъ ближайшія послѣдствія на лицо,—мы уже имѣемъ дѣло не съ хозяйствомъ, а съ общиной, и не только съ ея землепользованіемъ, но и землевладѣніемъ.

Другая особенность „вольницы“ заключается въ томъ, что здѣсь *всѣ, кто имѣетъ отношеніе къ землѣ, поставлены въ совершенно равныя условія*: каждому, какъ и всѣмъ, въ одинаковой степени принадлежитъ право свободнаго поль-

зованія землей—„гдѣ кому угоднѣе и способнѣе", какъ говорятъ сибирскіе крестьяне. Вотъ этотъ то *принципъ равенства всѣхъ передъ землей*, въ смыслѣ пользованія и владѣнія ею, сближаетъ „вольницу" съ общиной, такъ какъ онъ *является основнымъ принципомъ всѣхъ извѣстныхъ формъ общины, всѣ видоизмѣненія которой обусловливаются необходимостью приводить въ согласованіе этотъ принципъ съ измѣняющимися окружающими условіями.*

Первоначальныя формы общиннаго пользованія и владѣнія землей, слагающіяся въ атмосферѣ «вольницы», опираются на фактъ перваго завладѣнія землей, перваго «захвата», почему онѣ и могутъ быть названы захватными формами общины.

Право перваго завладѣнія, захвата свободныхъ земельныхъ пространствъ, въ широкой степени практикуется и при «вольницѣ», на него опирающейся. Но тамъ оно никѣмъ извнѣ не регулируется; съ возникновеніемъ же общины оно отливается постепенно въ опредѣленныя, при томъ все болѣе и болѣе осложняющіяся формы, регулируемыя уже не единоличнымъ только воззрѣніемъ самаго захватывающаго, а группой хозяйствъ, т. е. общиной. Здѣсь именно слагаются первыя положенія обычаевъ, которыми община будетъ руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ и къ своимъ членамъ, начинаетъ слагаться обычное право общины.

При условіяхъ «вольницы», когда свободныхъ земель значительно болѣе, чѣмъ сколько ихъ требуется, земля не имѣетъ цѣнности, и каждый можетъ занять любой свободный ея участокъ, какъ можетъ это сдѣлать и его сосѣдъ, не нарушая ничьихъ интересовъ, такъ какъ этотъ участокъ отъ сосѣдняго будетъ отдѣленъ пространствомъ пустующихъ

земель, и, слѣдовательно, у нихъ не будетъ почвы для столкновенія изъ-за пользованія участкомъ; каждый живетъ самъ по себѣ вдали отъ другихъ, не приходя съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Но вотъ, путемъ естественнаго роста хозяйства въ смыслѣ его численности и черезъ его дробленіе и выдѣленіе новыхъ хозяйственныхъ единицъ, возникаетъ группа хозяйствъ, живущихъ въ опредѣленномъ пунктѣ. Здѣсь становятся уже возможными случаи, когда не можетъ быть осуществлено въ полной мѣрѣ право каждаго на землю. У вновь образовавшагося селенія вскорѣ будутъ земли болѣе цѣнныя, какъ ближайшія, и менѣе цѣнныя, какъ удаленныя; земли не тронутыя, «цѣлинныя», требующія большой затраты силъ и средствъ для обращенія подъ культуру, и земли уже бывшія въ обработкѣ, «мягкія», дальнѣйшее воздѣлываніе которыхъ легче, и т. д. Вообще возникаетъ рядъ положеній, при которыхъ не всѣ хозяйства группы, общины, могутъ осуществлять свои права на землю въ равной степени, права свободнаго ею пользованія наравнѣ со всѣми остальными. Получается неравенство положенія въ общинѣ ея членовъ, что ею не можетъ быть долго терпимо, такъ какъ въ сохраненіи именно равенства заключается raison d'être самой общины. Для нея возникаетъ настоятельная необходимость создать такія новыя условія, при которыхъ гарантировались бы въ равно возможной степени интересы каждаго. *Община беретъ на себя обязанности постояннаго регулятора отношеній къ землѣ своихъ членовъ, отношеній, которыя удовлетворяли бы основному ея принципу равенства всѣхъ передъ землею.*

Такимъ именно регулирующимъ, началомъ можетъ быть первымъ, къ которому обращается община, является признаніе съ ея стороны права перваго захвата, а именно неограниченное право на землю того, кто первый ее захва-

тилъ, кто вложилъ въ нее свой трудъ, кто придалъ ей тѣмъ самымъ извѣстную цѣнность. Никто не можетъ занять разъ захваченную землю, пока она почему либо требуется, ея хозяину, т. е. лицу, вложившему въ нее свой трудъ. На первое время, пока земли много, этого ограниченія совершенно достаточно для сохраненія равенства положенія всѣхъ въ общинѣ, такъ какъ при этихъ условіяхъ каждый можетъ произвести для себя захватъ свободной земли, въ какомъ ему нужно количествѣ, и стать тѣмъ самымъ въ одинаковыя условія съ сосѣдомъ, также не стѣсненномъ въ приложеніи своихъ силъ къ землѣ въ желательныхъ для него размѣрахъ.

По мѣрѣ численнаго возрастанія общины все болѣе и болѣе распахивается и захватывается земель, границы ея дѣятельности все расширяются; въ погонѣ за цѣлинными землями, когда ближайшія всѣ распаханы, и за болѣе высокими урожаями, часть ея членовъ начинаетъ переносить свою дѣятельность подальше отъ деревни, сначала только для лѣтнихъ работъ, а затѣмъ и для болѣе постоянныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ и совсѣмъ поселяются на дальнихъ участкахъ. Такъ возникаетъ заимка, хуторъ, починокъ, сохраняющіе связь съ общиной, помня съ нею свое родство. На заимкѣ, въ свою очередь, идетъ тотъ же процессъ разростанія въ селеніе и выдѣленія новыхъ заимокъ, при сохраненіи прежней земельной связи. *Такимъ именно образомъ возникаетъ та форма общины, которая извѣстна подъ именемъ сложной, составной или волостной общины, гдѣ уже на почвѣ пользованія землей приходятъ въ столкновенія не только отдѣльныя хозяйства, но и ихъ группы, объединенныя болѣе близкими интересами односелья. Будучи сложной, волостной, въ смыслѣ землевладѣнія, такая община,*

въ смыслѣ землепользованія, является захватной, пока свободно практикуется ею принципъ перваго завладѣнія.

Черезъ извѣстный періодъ времени, когда населеніе общины въ достаточной степени возрастетъ, когда распространять далѣе границы пользованія землей уже невозможно или затруднительно, такъ какъ въ такой же мѣрѣ происходитъ разрастаніе и сосѣднихъ общинъ, границы которыхъ начинаютъ соприкасаться между собой, тогда понемногу выясняется неудовлетворительность даннаго порядка вещей въ общинѣ, выясняется нарушеніе ея основного принципа—равенство всѣхъ по отношенію пользованія землею—наличными порядками. Теперь далеко уже не каждый общинникъ можетъ въ одинаковой степени осуществлять свое право на землю: лучшія земли захвачены болѣе сильными, въ экономическомъ отношеніи, хозяйствами, на долю же болѣе слабыхъ земли остается мало, или она слишкомъ далека, и пользованіе ею сопряжено съ большими затрудненіями. Для части общинниковъ такой порядокъ выгоденъ, для другой—нѣтъ; община раскалывается на враждующія и борющіяся между собой партіи. Чѣмъ болѣе возрастаетъ численность населенія общины, чѣмъ относительно менѣе становится земель, тѣмъ сильнѣе обостряется борьба и дѣлается болѣе тяжелой. *Съ общиной, какъ цѣлымъ, борются составляющія ее мелкія единицы, въ охранѣ интересовъ которыхъ она получаетъ и сама свое оправданіе.* Когда данный порядокъ настолько разовьется, что становится матеріально невыгоднымъ для значительнаго числа составляющихъ общину единицъ, община бываетъ вынужденной или стать на сторону новыхъ требованій и выработать новыя условія, при которыхъ вновь могло бы практически осуществляться въ одинаковой степени право каждаго общин-

ника на землю, или же она должна распасться на болѣе мелкія части, объединенныя каждая одинаковостью интересовъ. *Назрѣваетъ надобность въ новой формѣ общины, и заимочная ея форма уступаетъ мѣсто болѣе регулированному пользованію. Пользованіе угодьями обставляется рядомъ условій, ограничивающихъ болѣе сильныхъ общинниковъ и ставящихъ въ одинаковыя съ ними условія болѣе слабыхъ.* Право захвата ограничивается извѣстнымъ срокомъ, постепенно все сокращающимся; устанавливаются предѣлы развитія хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ единицъ общины, напр., установленіемъ предѣльныхъ размѣровъ запашки для отдѣльнаго двора, запрещается употреблять на работу наемныхъ рабочихъ (при такъ называемыхъ закосахъ луговъ) и проч. Жизнь общины вновь принимаетъ мирное теченіе, пока ея основной принципъ болѣе или менѣе рѣзко не нарушается, что обязательно должно произойти въ силу возрастанія населенія общины и, слѣдовательно, постояннаго измѣненія числовыхъ отношеній между населеніемъ общины и находящейся въ ея распоряженіи землей. Какъ *первую форму общины можно назвать наслѣдственно-родовой формой захвата, такъ эту послѣднюю—формой срочнаго, регулированнаго захвата.*

Но процессъ возрастанія населенія общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и относительное сокращеніе свободныхъ земель, продолжается въ прежнемъ направленіи, а потому черезъ нѣкоторое время будетъ вновь нарушенъ все тотъ же принципъ общины, такъ какъ всѣ болѣе удобныя земли будутъ заняты, и хозяйствамъ новаго образованія придется пользоваться уже худшими, выдержанными землями, обработка которыхъ требуетъ удобренія и проч., или же совсѣмъ отказаться отъ земледѣльческаго труда и искать приложенія сво-

имъ силамъ въ какой-нибудь другой области. Жизнь общины снова становится тревожной, такъ какъ она перестаетъ удовлетворять интересы части своихъ членовъ въ той же степени, какъ другихъ; вновь возникаетъ агитація, обостряется борьба между общиной и составляющими ее единицами, которая никогда совершенно не прекращается, такъ какъ община, какъ и всякая общественная организація, стремится въ своихъ интересахъ подавить интересы отдѣльныхъ общинниковъ, какъ тѣ постоянно стремятся преступить устанавливаемыя для нихъ общиной границы, нарушающія ихъ отдѣльные частные интересы. Словомъ, община болѣе дѣятельно начинаетъ вырабатывать новыя формы отношеній, которыя могли бы снова поставить ея членовъ въ равенство условій къ пользованію землею.

Я не могу здѣсь не только входить въ подробное положеніе всѣхъ стадій борьбы и измѣненій формы общины, но даже просто и перечислить всѣ главнѣйшія ея смѣны, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста, не прибавивъ ничего къ выясненію главной моей мысли; достачно сказать, что въ концѣ концовъ *регулируемый срочный захватъ постепенно перейдетъ въ ту форму общины, которая характеризуется періодическими передѣлами земельныхъ угодій по разнообразнымъ, входящимъ въ составъ общины и составляющихъ ее хозяйство, единицамъ* т. е. въ наиболѣе распространенный въ Европейской Россіи типъ общины. *Переходъ этотъ обусловливается все тѣми же измѣненіями числовыхъ отношеній между все возрастающимъ населеніемъ и площадью занимаемыхъ общиною земель.*

Отсюда постоянная необходимость въ постепенномъ созданіи такихъ условій, при которыхъ всѣ члены общины

постоянно бы находились въ равныхъ къ землѣ отношеніяхъ.

Такова общая схема образованія русской земельной общины, исторія возникновенія и развитія однѣхъ, упадка и разложенія другихъ ея формъ. Собранный въ Сибири матеріалъ позволяетъ во всѣхъ деталяхъ прослѣдить этотъ процессъ. Онъ будетъ въ своей основѣ однимъ и тѣмъ же, станемъ ли мы разсматривать простую общину, т. е. не выходящую за предѣлы одного селенія, или сложную, т. е. охватывающую болѣе одного селенія. Вся разница будетъ наблюдаться въ томъ, что при составной общинѣ взаимныя отношенія составляющихъ ее элементовъ нѣсколько сложнѣе, такъ какъ самихъ борющихся элементовъ больше: хозяйство борется за возможную свободу въ проявленіи своей дѣятельности не только съ общиной въ ея цѣломъ, но и съ тою ея частью, которая совпадаетъ съ деревней, гдѣ группа домохозяевъ объединена, кромѣ общихъ интересовъ, еще интересами своей деревни, которыя не всегда совпадаютъ съ частными интересами отдѣльныхъ хозяйствъ. Точно также и деревня, какъ составная часть сложной общины, ведетъ борьбу за свои интересы не только съ цѣлымъ, съ самой общиной, но и съ тѣми элементами, на которые она сама распадается—съ отдѣльными хозяйствами. Характеръ же борьбы, ея направленіе, какъ и направленія въ производимыхъ ею измѣненіяхъ общинныхъ порядковъ, здѣсь тѣ же, что и въ общинѣ простой, однодеревенской, и это понятно, такъ какъ и въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной и той же категоріей отношеній—съ землепользованіемъ общины, тогда какъ ея землевладѣніе остается неизмѣннымъ. Но борьба, происходящая внутри сложной общины, нерѣдко приводитъ

къ ея дробленію на болѣе мелкія общины, что измѣняетъ, въ сторону сокращенія, и размѣры ея землевладѣнія. Аналогичнаго случая въ однодеревенской общинѣ, т. е. чтобы она распалась на болѣе мелкія общинныя же единицы,—я не знаю, если не имѣть въ виду образованія тѣхъ такъ называемыхъ раздѣльныхъ общинъ, составляющихъ только часть селенія, которыя образовались путемъ внѣшняго воздѣйствія, не вытекающаго изъ жизни самой общины,—путемъ вмѣшательства помѣщичьей власти, административнаго усмотрѣнія и т. п.

Вся жизнь общины протекаетъ въ извѣстной общественно-исторической атмосферѣ, которая не можетъ не вліять на нее, не можетъ не класть на нее своего отпечатка, не рѣдко грубаго и уродливаго. Таково именно было воздѣйствіе на общину крѣпостныхъ отношеній, подчиненіе ее государству въ цѣляхъ фиска, ограниченія ея землевладѣнія черезъ установленіе опредѣленнаго душеваго надѣла, до такъ называемаго «нищенскаго» включительно, и т. д. Суровая дѣйствительность не скупилась на этого рода вліянія и воздѣйствія, ставившія подъ часъ передъ общиной почти неразрѣшимыя задачи; но всѣ они не вытекали изъ существа самой общины, развитія и смѣны ея формъ, будучи продуктомъ внѣ ея лежащихъ условій. Все это должно было нарушать очерченный выше постепенный процессъ развитія общинныхъ формъ, часто вводило ихъ въ искуственныя, притомъ весьма тѣсныя рамки, и община должна была къ нимъ приспособляться. Въ своемъ изложеніи я умышленно избѣгалъ касаться всѣхъ такихъ внѣшнихъ воздѣйствій и вліяній, какъ затемняющихъ основныя черты общины. Но эти внѣшнія вліянія всегда необходимо имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь объ общинѣ и ея судьбахъ.

Конечная форма русской земельной общины есть та, которая практикуетъ передѣлы и при ихъ помощи уравниваетъ права своихъ членовъ на землю. Здѣсь также наблюдаются время отъ времени нарушенія основного принципа общины—равенства всѣхъ передъ землею, производимыя все тѣмъ же главнѣйшимъ факторомъ эволюціи общины — измѣняющимся числовымъ отношеніемъ между возрастающимъ населеніемъ общины и остающеюся неизмѣнною площадью ея землевладѣнія. Обычно борется она съ этими нарушеніями двумя мѣрами: установленіемъ все болѣе мелкой разверсточной единицы при передѣлахъ, во 1-хъ, и болѣе частыхъ сроковъ самихъ передѣловъ, во 2-хъ. И община Европейской Россіи довела технику передѣла до высшей, мѣстами прямо изумительной точности, обезпечивающій возможную степень ненарушимости принципа равенства всѣхъ передъ землей. Но именно здѣсь то, повидимому, община и достигла предѣла въ измѣненіи своихъ формъ, и дальнѣйшая ея эволюція, при данныхъ общихъ условіяхъ, врядъ ли возможна и во всякомъ случаѣ сопряжена съ большими затрудненіями. Я имѣю здѣсь въ виду ту дробность землепользованія общины, дальше которой идти, кажется, некуда.

Общинное населеніе во многихъ мѣстностяхъ настолько возросло по отношенію имѣющагося въ его распоряженіи количества земли, что дальнѣйшія занятія земледѣльческимъ промысломъ становятся для него уже невыгодными. Неуклонное проведеніе принципа поравненія должно было привести къ такой дробности душевыхъ земельныхъ долей, которая исключаетъ возможность веденія доходнаго хозяйства при томъ уровнѣ земледѣльческой техники, какая характеризуетъ нашу деревню. Общинѣ приходится заботиться не только уже о томъ, чтобы никто изъ ея членовъ въ поль-

зованіи землей не могъ создать для себя привиллегированное, по отношенію другихъ, положеніе, но и бороться съ малоземельемъ, съ быстро идущимъ обнищаніемъ деревенской Россіи, съ хроническими голодовками и т. п. неблагопріятными явленіями, выросшими не на почвѣ общины, а внѣ ея, но ежеминутно дающими себя чувствовать. При такихъ условіяхъ неудивительно, что община изъ органа, обезпечивающаго своимъ членамъ равномѣрность владѣнія и пользованія землею, постепенно превращается въ органъ уравнительнаго распредѣленія между своими членами всѣхъ внѣшнихъ невзгодъ, въ своего рода регуляторъ голодныхъ ртовъ.

Выйти изъ этого критическаго положенія община могла бы при помощи расширенія площади ея землевладѣнія и усиленнаго повышенія техники земледѣлія, что дѣлало бы продуктивнымъ занятіе промысловъ, во 1-хъ, а во 2-хъ, при помощи какого нибудь другого принципа, посредствомъ котораго могло бы осуществляться равенство каждаго на землю даже и тогда, когда дальнѣйшіе передѣлы, дальнѣйшее дробленіе участковъ становится невозможнымъ.

Для предотвращенія тяжелыхъ послѣдствій, чреватыхъ мучительными страданіями и потоками крови, переживаемаго кризиса, но уже не общины только, а всего аграрнаго строя Россіи, — есть только одинъ путь, тотъ именно, который вытекаетъ изъ самыхъ основъ народнаго міросозерцанія, изъ той коренной точки зрѣнія русскаго народа, которой опредѣляются всѣ дальнѣйшія его отношенія къ землѣ, какъ бы они ни были разнообразны и сложны,—обращеніе всѣхъ земель страны въ общенародный фондъ, ихъ *національзація* и *соціализація*. Для раціональнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, такъ застрявшагося въ настоящее время, привед-

шаго народную экономику, а слѣдовательно, и всю страну на край гибели, иныхъ средствъ нѣтъ.

Соціализація всѣхъ земель, разрѣшая аграрный вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ и общинѣ возможность выйти изъ ея критическаго положенія, такъ какъ и самая соціализація можетъ быть осуществлена только черезъ общинныя формы. Только соціализація всѣхъ земель откроетъ передъ народомъ и возможность введенія въ достаточно широкомъ масштабѣ тѣхъ техническихъ измѣненій въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, которыя способны будутъ носить въ серьезныхъ размѣрахъ и самую доходность промысла, сдѣлать его достаточно продуктивнымъ. Наконецъ, только соціализація земель страны, совершенно устраняя съ рыночнаго оборота землю, создастъ ту благопріятную атмосферу, при которой общинный принципъ найдетъ свое приложеніе не только къ *пользованію землею*, но и къ производству и къ распредѣленію продуктовъ въ землевладѣльческой промышленности.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го марта 1906 года.

Цѣна 5 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ
СПБ., Невскій пр., 40—42, Книжный складъ
«Библіотечное Дѣло»